

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-164-202

УДК 93/94

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЫБОР В ЭПОХУ КАТАСТРОФЫ: ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ СУДЬБЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДРАМАТУРГИИ М.А. БУЛГАКОВА

Аннотация. Представленные очерки посвящены комплексному анализу репрезентации Гражданской войны в России в драматургии М.А. Булгакова («Белая гвардия», «Дни Турбиных») как источника для осмысления исторической памяти, идентичности и социокультурных практик переломной эпохи. Авторы показывают, что художественные произведения, созданные очевидцами событий, способны дополнить и углубить научное знание: они фиксируют не только факты, но и психологические механизмы самоопределения личности, раскрывают смыслы эпохи через призму частного опыта. В центре внимания – судьба российской интеллигенции: ее роль в исторических процессах, стратегии поведения и способы сохранения культурной преемственности в условиях социальной катастрофы. Через образы семьи Турбиных и их окружения Булгаков демонстрирует, как рушится привычный мир – от домашнего очага до имперских устоев – и как человек ищет опору в хаосе перемен. Образ дома Турбиных трактуется как «очаг стабильности» и буфер между личностью и историческим вихрем, а бытовые детали обретают символическое значение, резонируя с глобальными смыслами. В работе сочетаются подходы *memory studies*, исторической антропологии и синергетики, что позволяет сосредоточить внимание на роли «маленького» человека, чьи повседневные практики (в т. ч. ритуалы, формы лояльности, способы адаптации) оказываются скрытыми формами политической активности в условиях цивилизационного слома. Особое внимание уделяется проблеме современной мемориализации Гражданской войны: авторы обосновывают необходимость деидеологизированного осмысления национальной травмы для достижения общественного согласия и прослеживают, как коллективная память о прошлом формируется и трансформируется – от мифов и легенд к многомерному пониманию истории через художественные свидетельства.

Ключевые слова: Гражданская война, идентичность, интеллигенция, «Дни Турбиных», историческая память.

Цитирование: Булдаков В.П., Нарский И.В., Поршнева О.С., Гагкуев Р.Г. Идентичность и выбор в эпоху катастрофы: осмысление Гражданской войны через судьбы интеллигенции в драматургии М.А. Булгакова // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 164–202. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-164-202 / Buldakov V.P., Narsky I.V., Porshneva O.S., Gagkuev R.G. Identity and choice in an era of catastrophe: understanding the Civil War through the fates of the intelligentsia in the drama of M.A. Bulgakov, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 164–202. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-164-202.

© Булдаков В.П., Нарский И.В., Поршнева О.С., Гагкуев Р.Г., 2026

Вопросы дискуссии:

1. Историческая память выступает фундаментальным элементом формирования национальной идентичности, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее общества. Особенно важным (и одновременно — наиболее травмирующим) является осмысление трагических страниц истории — таких, как Гражданская война, которая оставила неизгладимый след в судьбе нашей страны. В какой степени сохранение исторической памяти о драматических событиях Гражданской войны способствует формированию национальной идентичности и не превращается ли эта память в препятствие для диалога между различными политическими силами современного российского общества? И почему примирение между «красными» и «белыми», провозглашенное в тексте «меморандума» 2023 г., но — будем честны! — являющееся в какой-то мере показным, не воспринято современным российским обществом?
2. Интеллигенция, будучи специфическим социокультурным феноменом русской истории, всегда осознавала себя не только интеллектуальной элитой, но и «совестью нации», претендуя на особое место в развитии общества — место катализатора общественных преобразований и духовного лидера. В какой мере Гражданская война подтвердила (или опровергла?) такие взгляды? Какова историческая ответственность интеллигенции за происходящие в обществе перемены? Должна ли интеллектуальная элита активно участвовать в политической жизни, демонстративно занимая какую-либо сторону, или сохранять нейтралитет, стремясь к консолидации и равновесию политических сил внутри страны?
3. В пьесе М.А. Булгакова дом Турбиных является не просто средоточием места и времени действия как композиционных элементов спектакля, но и, по сути, одним из ключевых персонажей, формирующих сюжетную канву пьесы. Дом — своеобразная «точка опоры» в дни смуты и безвременья не только для семьи Турбиных, но и для всего их ближайшего окружения. Это «место притяжения», которое объединяет Турбиных, их друзей и близких, придавая им силы на фоне исторической драмы Гражданской войны. Уникальна или типична описанная М.А. Булгаковым ситуация? Могут ли частная жизнь и семейный очаг выступать эффективным буфером между личностью и социальными катастрофами? Способствует ли такая позиция укреплению общества или ведет к его атомизации? И не является ли феномен «малого дома» как «очага стабильности» (семейных, культурных, профессиональных императивов) механизмом смягчения/преодоления травматических последствий масштабных социально-политических трансформаций?
4. В «Днях Турбиных» заметно противопоставление идеализированного прошлого и пугающего настоящего. Герои пьесы живут в 1918 г., но в своих словах и поступках сохраняют ритуальную верность прежним нормам и символам даже тогда, когда эти нормы уже не обеспечивают ни безопасности, ни социального статуса. В каких исторических ситуациях подобная «ритуализированная лояльность» и ностальгия по утраченному порядку становились не просто

психологической защитой, но и фактором сохранения долговременной преемственности и преодоления разрыва между поколениями? В какой степени бытовые практики (ритуалы, семейные традиции, профессиональная этика) способны сохранить идентичность сообщества в условиях социально-политической переменчивости? Принимая во внимание то обстоятельство, что премьеру пьесы отделяет от представленных в ней событий восемь лет, но в последующие полтора десятилетия она была сыграна почти тысячу раз, можно ли из этого сделать вывод, что такая позиция может иметь «отсроченный эффект»?

5. В пьесе М.А. Булгакова конфликт между «своими» и «чужими» постоянно смещается: вчерашние союзники становятся врагами, а враги – временными партнерами. Неопределенность политического статуса поддерживается и на частном, личностном уровне семейными перипетиями Турбиных. В каких исторических контекстах границы групповой принадлежности (национальной, классовой, политической) оказывались наиболее подвижными, какие факторы (военные, экономические и культурные) играли решающую роль в переопределении «своих/чужих»? И в какой мере внутренние конфликты в рамках одной социокультурной общности оказываются более разрушительными для государственности, чем внешние войны?
6. В пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных» герои оказываются на переломе эпох, когда каждый выбор приобретает судьбоносное значение, а система личных ценностей подвергается жесткой проверке историческими обстоятельствами. Этот художественный контекст побуждает к осмыслению ряда фундаментальных вопросов исторической антропологии и этики. Возникает проблема соотношения личного волеизъявления и объективных исторических процессов: в какой мере решения отдельных деятелей способны изменить траекторию развития общества, а где их действия неизбежно оказываются ограничены рамками макроисторических закономерностей?

Участники дискуссии:

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАО, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

IDENTITY AND CHOICE IN AN ERA OF CATASTROPHE: UNDERSTANDING THE CIVIL WAR THROUGH THE FATES OF THE INTELLIGENTSIA IN THE DRAMA OF M.A. BULGAKOV

Abstract. The essays presented here offer a comprehensive analysis of the representation of the Russian Civil War in the plays of Mikhail Bulgakov (*The White Guard*, *The Days of the Turbins*) as a source for understanding the historical memory, identity, and sociocultural practices of a transformative era. The authors demonstrate that works of fiction created by eyewitnesses to the events can complement and deepen scholarly knowledge: they capture not only facts but also the psychological mechanisms of individual self-determination, revealing the meaning of the era through the prism of personal experience. The focus is on the fate of the Russian intelligentsia: its role in historical processes, behavioral strategies, and ways of preserving cultural continuity in the face of social catastrophe. Through the images of the Turbin family and their entourage, Bulgakov demonstrates how the familiar world – from the hearth and home to imperial foundations – is crumbling, and how people seek support amid the chaos of change. The image of the Turbin house is interpreted as a “center of stability” and a buffer between the individual and the turbulence of history, while everyday details acquire symbolic significance, resonating with global meanings. The work combines approaches from memory studies, historical anthropology, and synergetics, focusing on the role of the “little” individual, whose everyday practices (including rituals, forms of loyalty, and adaptation methods) prove to be hidden forms of political activity in the context of civilizational breakdown. Particular attention is paid to the problem of contemporary memorialization of the Civil War: the authors substantiate the need for a deideologized understanding of national trauma to achieve social consensus and trace how collective memory of the past is formed and transformed – from myths and legends to a multidimensional understanding of history through artistic evidence.

Keywords: Civil War, identity, intelligentsia, “Days of the Turbins”, historical memory.

Discussion questions:

1. Historical memory acts as a fundamental element in the formation of national identity, linking together the past, present and future of society. Especially important (and at the same time – the most traumatic) is the understanding of the tragic pages of history – such as the Civil War, which left an indelible mark on the fate of our country. To what extent does the preservation of historical memory of the dramatic events of the Civil War contribute to the formation of national identity, and does this memory not turn into an obstacle to dialogue between the various political forces of modern Russian society? And why, proclaimed, but – let's be honest! – which is to some extent ostentatious, reconciliation between the “red” and “white” in the text of the “memorandum” of 2023, is not perceived by modern Russian society?
2. The intelligentsia, being a specific sociocultural phenomenon of Russian history, has always recognized itself not only as an intellectual elite, but as the “conscience of the nation”, claiming a special place in the development of society, its spiritual leader and catalyst for social transformations. To what extent did the Civil War confirm (or deny?) Such views? What is the historical responsibility of the intelligentsia for the changes taking place in society? Should the intellectual elite actively participate in political life, demonstratively taking any side, or remain neutral, striving for consolidation and balance of political forces within the country?
3. In the play by M.A. Bulgakov, the Turbins' house is not just a concentration of place and time of action as compositional elements of the play, but, in fact, one of the key characters that form the plot of the play. The house is a kind of “fulcrum” in the days of turmoil and timelessness not only for the Turbin family, but also for their entire inner circle. This is a “place of attraction” that unites the Turbins, their friends and loved ones, giving them strength against the backdrop of the historical drama of the Civil War. Is the situation described by M.A. Bulgakov? Can privacy and family hearth act as an effective buffer between personality and social disasters? Does such a position contribute to the strengthening of society or lead to its atomization? And isn't the phenomenon of a “small house” as a “hotbed of stability” (family, cultural, professional imperatives) a mechanism for mitigating/overcoming the traumatic consequences of large-scale socio-political transformations?
4. In “Days of the Turbins” there is a noticeable contrast between the idealized past and the frightening present. The heroes of the play live in 1918, but in their words and deeds they remain ritually faithful to the previous norms and symbols even when these norms no longer provide either security or social status. In what historical situations did such “ritualized loyalty” and nostalgia for the lost order become not just psychological protection, but also a factor in maintaining long-term continuity and bridging the gap between generations? To what extent are everyday practices (rituals, family traditions, professional ethics) able to preserve the identity of the community in conditions of socio-political variability? Taking into account the fact that the premiere of the play is separated from the events presented in it for eight years, but in the next decade and a half it was played almost a thousand times, is it possible to conclude from this that such a position can have a “delayed effect”?

5. In the play by M.A. Bulgakov, the conflict between “their own” and “strangers” is constantly shifting: yesterday’s allies become enemies, and enemies become temporary partners. The uncertainty of political status is also supported at the private, personal level by the Turbins’ family twists and turns. In what historical contexts did the boundaries of group affiliation (national, class, political) turn out to be the most fluid, and what factors (military, economic and cultural) played a decisive role in redefining “friends/foes”? And to what extent are internal conflicts within one sociocultural community more destructive to statehood than external wars?
6. In the play “Days of the Turbins” by M.A. Bulgakov, the heroes find themselves at a turning point in eras, when each choice acquires fateful significance, and the system of personal values is subjected to strict verification by historical circumstances. This artistic context prompts reflection on a number of fundamental questions in historical anthropology and ethics. The problem arises of the correlation of personal expression of will and objective historical processes: to what extent can the decisions of individual figures change the trajectory of society, and where do their actions inevitably turn out to be limited by the framework of macrohistoric laws?

Discussants:

Buldaikov Vladimir P., Doctor of Science (History), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Narsky Igor V., Doctor of Science (History), Professor, Perm State National Research University.

Porshneva Olga S., Doctor of Science (History), Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Gagkuev Ruslan G., Doctor of Science (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-170-176

УДК 94

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Булдаков Владимир Прохорович

Институт российской истории РАН,

Москва, Россия

novistiriran@mail.ru

Аннотация. Отвечая на вопросы, автор отмечает, что историческая память – весьма зыбкая инстанция, поскольку опирается не на научное знание, а на легенды и мифы прошлого. Другое дело – литературные произведения, созданные очевидцами событий. При известном литературном таланте и способности к генерализации художественное произведение может выступить в качестве «сюрреалистического» свидетельства трагических событий прошлого. Если война и революция – это результат величайших заблуждений эпохи, то обнажить причины и смыслы этих заблуждений способно творчество, соединяющее талант бытописателя с высотой философской рефлексии. Примером такого творчества можно считать роман М. Булгакова «Белая гвардия» и пьесу «Дни Турбиных». Революция – это всегда разрушение привычного, но не очень прочного Дома, начиная с семьи, кончая империей. Историки привыкли описывать этот процесс «сверху» – главным образом через политику. Творчество Булгакова поучительно тем, что он показывает, что более успешно добраться до смыслов истории можно как бы с другого конца – с семьи. Для этого не обязательно впадать в подробное бытописание – порой достаточно «деталей», способных резонировать с большими смыслами человеческого существования.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, психосоциальная травма, идентичность, литература.

Цитирование: Булдаков В.П. Гражданская война и идентичность // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 170–176. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-170-176 / Buldakov V.P. Civil War and Identity, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 170–176. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-170-176.

© Булдаков В.П., 2026

CIVIL WAR AND IDENTITY

Buldakov Vladimir P.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
novistiriran@mail.ru

Abstract. Answering the questions, the author notes that historical memory is a very unstable institution, since it is based not on scientific knowledge, but on legends and myths of the past. Another thing is literary works created by eyewitnesses of the great events. With a well-known literary talent and the ability to generalize, a work of fiction can act as a “surreal” evidence of the tragic meanings of the past. If war and revolution are the result of the greatest misconceptions of the era, then creativity, combining the talent of a writer of everyday life with the height of philosophical reflection, can reveal the causes and meanings of these misconceptions. An example of such creativity is M. Bulgakov’s novel “The White Guard” and the play “The Turbin’s days”.

Revolution is always the destruction of a familiar but not very stable Home, starting with the family and ending with the empire. Historians are accustomed to describe this process “from above” – mainly through politics. Bulgakov’s work is instructive because he shows that it is possible to more successfully get to the meanings of history from the other end, as it were, from the family. To do this, it is not necessary to go into a detailed description of everyday life – sometimes there are enough “details” that can resonate with the great meanings of human existence.

Keywords: Civil War, historical memory, psychosocial trauma, identity, literature.

Так называемая историческая память действительно выступает важным элементом формирования идентичностей, как личных, так и групповых. Но нельзя забывать, что в основе исторической памяти лежат мифы, которые модифицируются в связи с эмоционально-историческими инверсиями, причем вопреки всем усилиям профессиональных историков. Учитывая это, историческую память следовало бы не столько сохранять, сколько по мере возможностей корректировать. С другой стороны, известно, что в не столь давние времена мифы и легенды переворачивались – «стойкие» коммунисты просыпались наутро «либералами» и т.п. В общем, «национальная идентичность» относится к числу воображаемых реальностей, особенно в империи, тем более в «советской». Не стоит относиться к ней как некоей сакральной величине, освещающую «тьму веков». Порой историческая память выступает как триггер, благодаря которому прошлое коварно стреляет в будущее. Особенно – если иметь в виду болезненную часть социально расколотого прошлого.

Я серьезно сомневаюсь, что Гражданская война воспринималась ее современниками в контексте противоборства только «красных» и «белых», на чем настаивали советские историки – с «классовых» позиций. Тогдашняя «красная смута» была слишком многомерна, «многоцветна», чтобы кто-то, помимо крайних фанатиков и бездумных доктринеров, раз и навсегда определил свое место в ней. Вместе с тем были люди, которые, случайно оказавшись на той или иной стороне, в дальнейшем оказывались захвачены инерцией некогда сделанного «выбора». Они невольно несли в настоящее идеологию и нравственные основания этого выбора. Проблема усложнялась, поскольку идейно-политическая «раскраска» Гражданской войны помимо «красно-белой» альтернативы включала в себя «буржуазно-националистические» и анархистские цвета. На все это были наброшены пропагандистские акции советского времени, то есть попытки внедрения в общественное сознание идеологии классовой борьбы. Присутствовало и желание показать российскую Гражданскую войну в «братоубийственном» контексте. В общем, представления прошлого деформировались, их замещали мифы советских времен.

Соответственно, попытка любого «диалога» на тему исторической памяти напоминает хождение по «минному полю», полному всевозможных сюрпризов. Изначально исторические воспоминания могут быть частью процесса психологической «притирки» бывших комбатантов, уставших от нескончаемой войны. Эта тема так или иначе подхватывается их «наследниками». Но результат может оказаться неоднозначным: былые страсти способны реанимироваться под новыми флагами – проблемы современности актуализируют их.

Все зависит от психоэмоционального состояния – вчерашнего и сегодняшнего – нашего общества. А оно состоит из людей, для которых «человек человеку волк», а «своя рубашка ближе к телу» – таково, в частности, состояние нынешнего дня, вопреки всем надеждам на гуманизм, интернационализм, толерантность, пропаганду «общечеловеческих ценностей». В таких условиях общество скорее сбивается на поиск «врага», нежели стремится к диалогу. Так случалось и в прежние времена:

ханжеская оболочка, прикрывавшая эгоистическую суть коллективного бытия, слетала с удивительной легкостью. Человек — индивидуалист благодаря своему своенравному разуму, однако он вынужден существовать в пределах той или иной общности, которая стесняет его «самость». Он — коллективист ровно в той мере, в какой это ему выгодно сегодня. А потому в определенных обстоятельствах он легко поверит сказкам, составленным из обломков фальсифицированного прошлого. А потому прошлое надо понять, а не бездумно ворошить его, растаскивая на «партии» в угоду легковесной современности.

В принципе, наилучший путь сохранения, развития, совершенствования идентификационных представлений связан с осмыслением «своего» прошлого в контексте мирового культурного наследия. Помочь в этом могут только историки. Разумеется, я имею в виду не тех «историков», для которых содержание Гражданской войны исчерпывается ходом военных действий и количеством выстрелов и убитых с той или иной стороны. Увы, наши нынешние представления о Гражданской войне находятся в удручающем состоянии. Связано это с тем, что большевистская историография не поднималась выше описаний победоносных «стрелялок» во врагов революции. Когда этот дискурс надоел, не менее отважно стрелять принялись контрреволюционеры. Вот и вся методология изучения нашего трагического прошлого. И подобный подход встречает «понимание» — действует магия простых объяснений. Можно ли в связи с этим говорить о состоявшемся примирении? Вряд ли! В таких обстоятельствах полезнее будет не историческая память, а историческое забвение.

* * *

Гражданская война подтвердила то, о чем догадывались давно: русская интеллигенция — лишний элемент авторитарно-патерналистской системы, особенно такой масштабной, как империя. Интеллектуалы являются провокаторами постольку, поскольку система «застойна». Именно поэтому они не могут не выступить в этом естественном своем качестве.

С другой стороны, патернализм несколькими штрихами выхолащивает творческое начало в человеке. В особой степени это касается низов, искусственно выдерживаемых в архаичном состоянии. В силу этого они невольно противостоят интеллигенции. Булгаков тоже это показал — всего лишь несколькими выразительными штрихами.

В России культурные элиты вели себя отчаянно и, вместе с тем, обреченно. Конечно, среди них встречались и «веховцы». Случались и полосы морального и психического истощения элит. Так было всегда: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям». Об этой библейской истине забывать нельзя. Все это давно и многократно доказано, однако мало кто из образованных людей готов с этим смириться.

В условиях революции, когда происходит выплеск хтонических сил народной психики, интеллектуалы в принципе становятся не нужны. Они свое дело уже

сделали — теперь нужны лидеры, а не мыслители, полевые командиры, а не наставники кружков интеллигенции. И, не дай Бог, если утихомирить этот процесс возьмется человек с убогим историческим сознанием, идеологизированным воображением и нездоровой психикой.

Можно ли забыть или утаить войну? Думаю, что этого делать не стоит. Ее надо понять. И никто, кроме все той же интеллигенции, не сможет это сделать. В общем, оздоровление общества начинается с самих себя, с осознания истории как части своего бытия.

В любом случае интеллигенции надо поменьше думать о своей «исторической роли», а стараться следовать своему предназначению, то есть творчеству. И эта миссия будет продуктивна в той мере, в какой человек не связывает себя легендами и мифами — как прошлого, так и современности.

* * *

Я не знаю, с чего начинается междоусобица: то ли с малой ячейки общества, то ли с государственных структур. Разумеется, беды России идут главным образом сверху — от неумения своевременно ремонтировать «большой дом» — империю. Однако дом Турбиных «треснул» изнутри — разумеется, не без помощи «внешней силы» — в лице, скажем, Тальберга. В любом случае это вопрос внутренней «стойкости» той или иной культуры, включая ее семейные «микроскопы». Кто, где, когда и почему среагирует на общественные настроения, сказать трудно, во всяком случае при нынешнем состоянии обществоведения применительно к социальным пертурбациям.

Что касается художника, то его дело — скорее задавать вопросы, нежели отвечать на них.

Напомню: Дом и Мир — главная экзистенциальная проблема человека. Теоретически, наиболее успешно она вроде бы решается в условиях гражданского общества. Для всех героев булгаковских произведений она оказалась неразрешимой. Увы, это довольно обычное явление. Отчасти это происходит у нас оттого, что люди пытаются подменить идею Дома идеей Власти.

Понятно, что в период любых социальных катастроф «подданные империи» пытаются убежать в свой «дом», в свою близкую и понятную среду, даже если в прошлом в ней таилось «яблоко раздора». Но в постреволюционное время скрывается (или навязывается) стремление обрести себя в какой-то новой — принципиально иной — общности, далекой от прежней — внутреннее истощенной. Так или иначе, пытаюсь спастись, люди делают это весьма эгоистично и неразумно (особенно под флагом идейного коллективизма). Это выливается либо в тотальное переформатирование имперского духовного пространства, либо в переориентацию и перенацеленность прежней рессентиментной энергии. В результате бывшая конфликтность может подняться на новый уровень. Но этот процесс не бесконечен: психика устает, эмоции остывают, все начинает возвращаться на круги своя.

Такой и была «красная смута» — правила бал синергетика «смерти-возрождения» империи. «Семейные ценности» были частью — вряд ли однозначной — этого процесса.

Ситуация булгаковского дома типична. Увы, бывают времена, когда дом перестает быть крепостью. Людям не дано было понять, в водоворот какого масштаба и метаисторического смысла они попали. М. Булгаков это ощутил. Достаточно вспомнить заключительные строки «Белой гвардии»: «Все пройдет... Меч исчезнет, а вот звезды останутся... Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему мы не хотим обратить свой взор на них?»

Разумеется, эти слова не обязательно понимать как «молитву Всевышнему», хотя и она не помешает восстановлению психического здоровья. Просто надо мысленно приподняться над тяготами бытия, в котором человек пожирает самого себя. В этом смысле и история, как наука, и литература, как бытописание, бесполезны. Беспольна и вредна политика, которая пытается руководить и тем и другим.

* * *

Всякая традиция устойчивее любых нововведений. В принципе на всякую новизну человек — особенно представитель старшего поколения — взирает с опаской. Но порой осознание безвыходности привычного заставляет бросаться вперед. М. Булгаков показал неоднозначность этой ситуации, ее зависимость от характера внешних сил. Если в «Днях Турбиных» действие происходит в основном в лоне семьи, то в «Белой гвардии» более явственно звучит голос смуты былых времен. Причем «белая гвардия» погибла не от большевиков, а от взбунтовавшейся архаики в лице петлюровщины. Неслучайно наступление петлюровцев на Город описано в эпической стилистике Гоголя («Тарас Бульба») — автора, которого Булгаков ставил выше всех писателей. На фоне непредсказуемых пертурбаций такой Гражданской войны ценности семьи становятся эфемерными: в «Белой гвардии» это показано через символическую гибель несчастного еврея, похода зарубленного петлюровцем из-за злосчастной бумажки. В Гражданской войне так или иначе сталкивается тип лояльного приспособленца и диссипативной личности — отщепенца, порвавшего с «застойной» традицией. Бытовые и семейные практики оказывают релаксирующее воздействие на общественные настроения постольку, поскольку «все проходит». И это также может быть использовано властью во имя нового «порядка». Напомню, что постановка «Турбиных» (о ней умолял Сталина К. С. Станиславский ради спасения театра) сопровождалась протестами левых коммунистов и «идейных» литераторов. Именно с последними (личностями вполне конкретными) расправилась Маргарита в наиболее известном романе Булгакова. Но Мастер к ее справедливой мести отнесся равнодушно. А «вождь» своей «терпимостью» к антисоветчику-Булгакову убил двух зайцев: приподнял свой имидж и «убедил» в непреложности выгодной власти «исторической закономерности».

Что касается прежней, дореволюционной идентичности, то все усилия большевистской власти имели половинчатый результат. Большевики потерпели неудачу:

«советский человек» — это некое болезненное существо, лишенное внутренних устоев, однако снабженное негодными идеологическими подпорками. Отсюда крах большевистских новаций.

* * *

На эти последние вопросы вряд ли кто-нибудь способен дать внятный и исчерпывающий ответ. Если кто-то попытается, я готов его выслушать. Но вряд ли ему удастся убедить меня. Жизнь слишком многообразна для однозначных ответов.

Но ясно другое. Все начинается с человека — его отношения к внешним воздействиям, — а оно, между прочим, меняется с течением исторического времени. В связи с этим всякий конформизм — штука ненадежная. Примечателен в этом смысле Постмодерн — он усиливает «ситуацию непредсказуемости».

С другой стороны, человек и среда — это вопрос «курицы и яйца», а системный подход — это всегда проблема понимания, а не готовых рецептов. Замечу в связи с этим, что и художник (в иные времена больше, чем историк) — существо сервильное. Это заметно и на примере М. Булгакова — его путь от «Белой гвардии» до «Турбиных» показателен. Впрочем, он сам постарался раскрыть проблему в «Мольере» — произведении, отвергнутому властью по наущению более сервильных или идейно искалеченных литераторов.

Говорить о степени разрушительности внешней и внутренней конфликтности, на мой взгляд, некорректно. В разные времена все происходит по-разному. В феврале 1917 г. самодержавная власть износилась до такой степени, что развалилась вопреки усилиям внутренних и внешних сил спасти ее. Понимаю, звучит непривычно. Но в критических ситуациях российский человек все же пытается «спастись» через привычные институты, а не с помощью абстрактных доктрин и благостных утопий.

Можно определенно сказать, что человек, ощущающий существующую власть «своей» — это наиболее прочный устой существующей системы. Он будет поддерживать власть в самых критических обстоятельствах.

* * *

Человек способен влиять на макроисторические процессы в той мере, в какой сознает их динамику, интенсивность, направленность, сопряженность с его личным миром, а главное — их суть. В «Днях Турбиных», напомним еще раз, «дом» дробится и «политически» расплзается — в том числе и под влиянием внешних обстоятельств. Но в любом случае люди не могут выбраться из своей культурно-антропологической «колеи». По-настоящему изменить ход истории может только сам «изменившийся» человек. Это главное, что должен осознать историк. Желательно, чтобы он не оставался в одиночестве.

Статья принята к публикации 11.02.2026

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-177-185

УДК 94 (47).084.3

«КОГДА БЫВАЕТ КАТАСТРОФА, КАЖДЫЙ СТАЁТ ПРОВОРНЫЙ ОЧЕНЬ»: О ПРОСТРАНСТВЕ ВЫБОРА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Нарский Игорь Владимирович

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия
inarsky@mail.ru

Аннотация. Текст представляет собой реплику в дискуссии, посвященной столетию премьеры пьесы Михаила Булгакова «Дни Турбиных». Отдельные высказывания и действия героев литературного произведения и его первых зрителей использованы здесь в качестве отправных точек для размышления об актуальных проблемах Гражданской войны в России. К ним относятся вопросы об особенностях поведения участников и свидетелей войны, о роли «маленького» человека в «большой» истории, об практиковавшихся ими способах приспособления к жизни в экстремальных обстоятельствах, о превратностях коллективной памяти о травматичном прошлом. В тексте предлагается интерпретировать как политические те практики исторических акторов, которые обычно рассматриваются как антропологические. Основной вывод состоит в том, что за слухами, насилием, неумеренным употреблением алкоголя, манипуляциями с продуктовыми карточками и прочими неприглядными поступками стояли самостоятельные позиции участников Гражданской войны по отношению к прошлому, настоящему и будущему, и эти позиции были формами политической активности в условиях цивилизационной катастрофы, в которой другого политического пространства, кроме улицы, и иного социального объединения, кроме толпы, зачастую не оставалось.

Ключевые слова: Гражданская война, коллективная память, стратегии выживания, фигурация, субъективная реальность, референтная группа, теоретический класс.

Цитирование: Нарский И.В. «Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень»: О пространстве выбора в Гражданской войне // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 177–185. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-177-185 / Narsky I.V. "When disaster strikes, everyone becomes very quick": On the scope for action in Civil War, in Novoe Proshloe / The New Past. 2026. No. 1. Pp. 177–185. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-177-185.

© Нарский И.В., 2026

“WHEN DISASTER STRIKES, EVERYONE BECOMES VERY QUICK”: ON THE SCOPE FOR ACTION IN CIVIL WAR

Narsky Igor V.

Perm State University,
Perm, Russia
inarsky@mail.ru

Abstract. This text is a contribution to a discussion marking the centenary of the premiere of Mikhail Bulgakov's play "The Days of the Turbins". Individual statements and actions of the characters in the literary work and its first audience are used here as a starting point for reflections on current problems of civil war in Russia. These include questions about the peculiarities of the behaviour of those who participated in and witnessed the war, the role of the 'little' man in 'big' history, the methods they used to adapt to life in extreme circumstances, and the uncertainties of the collective memory of a traumatic past. The text proposes interpreting the practices of historical actors, which are normally considered anthropological, as political. The most important conclusion is that rumours, violence, excessive alcohol consumption, manipulation of food ration cards and other unsavoury acts were the independent positions of the civil war participants with regard to the past, present and future, and these positions were forms of political activity under the conditions of a civilisational catastrophe, in which there was often no political space other than the street and no social association other than the crowd.

Keywords: Civil war, collective memory, survival strategies, figuration, subjective reality, reference group, theoretical class.

Как известно, премьера пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных» в Московском художественном театре в 1926 г. сопровождалась многократными вызовами скорой помощи из-за обмороков и сердечных приступов у зрителей. В 1929 г., через три года после премьеры, пьеса была запрещена к показу после странного инцидента: когда на сцене подвыпившие офицеры затащили «Боже, царя храни!», зал заволновался и встал. Встали партийные функционеры и советские бюрократы, интеллигенты и профсоюзные деятели [Солоневич, 2008, с. 451].

Эти эпизоды обнажают специфику коллективной памяти о Гражданской войне – не только через несколько лет по ее завершении, но в известной степени и поныне. В то самое время, когда в Москве Михаил Булгаков создавал сценическую версию романа «Белая гвардия», автор концепции коллективной памяти Морис Хальбвакс в Париже писал: «Общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. [...] Поэтому общество стремится устранить из своей памяти все, что могло бы разделить индивидов, отделять друг от друга группы» [Хальбвакс, 2007, с. 337].

Конечно, память о Гражданской войне не содействует консолидации общества. На начальном, самом травматичном этапе переработки трудного прошлого, как свидетельствует опыт многих стран, более целесообразным для объединения общества является предание прошедшего забвению. В Советской России и молодом СССР табуирование недавних событий тоже имело место. Но это происходило в специфических рамках, заданных победителями в Гражданской войне. Воспоминания о революции в сталинский период были упорядочены и институционализированы. Была создана официальная матрица для фильтрации воспоминаний свидетелей революции. Насколько мне известно, впервые она была использована во всероссийском масштабе во время празднования пятилетия Октябрьской революции. Воспоминания канализировались с помощью специальных вопросников. В них перечислялись вопросы, посвященные исключительно участию в большевистских организациях или во всероссийских «великих» событиях, особо важных для большевиков. В 1920-е гг. организованные таким образом вечера воспоминаний стали неотъемлемой составляющей празднования годовщин Октябрьской революции.

Просеивание воспоминаний очевидцев было поручено специально созданной организации. В 1920 г. с этой целью была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (сокращенно Истпарт). Это было автономное исследовательское учреждение, которое в 1920-е гг. (а в регионах СССР – до конца 1930-х) собирало, хранило, «научно» обрабатывало (в том числе и подвергало цензуре) и публиковало мемуары участников революции. Так сбор воспоминаний стал большим государственным проектом. Помимо прочего, Истпарт готовил и анкеты для вечеров воспоминаний. К пятилетию Октябрьской революции Истпарт подготовил конспекты-минимумы для мемуаров, которые очевидцы собирались писать о революции и гражданской войне. Они содержали вопросы, аналогичные

вопросам анкет для вечеров воспоминаний, создавая тем самым удобный шаблон для героизации коллективного и индивидуального прошлого.

Это была память с лакунами. Вырезанные из коллективной памяти эпизоды прошлого в случае внезапного возвращения могли заставить врасплох, требовать вмешательства неотложной медицинской помощи или задним числом приписываться вредительскому массовому внушению. Надо полагать, так и произошло и в 1926 г., на премьере в МХАТе, вернувшей острые запретные воспоминания о событиях недавнего прошлого, и в 1929 г., при пьяном пении на сцене царского гимна.

Наша память о Гражданской войне и сегодня остается фрагментированной и противоречивой. В ней конкурируют интерпретации, десятилетиями оттачивавшиеся в Советском Союзе в «красной» версии, а в эмиграции – в «белой». Политические «генеральные линии» позднесоветской и постсоветской российской власти также петляют между этими крайними ориентирами, что также не может содействовать реальному примирению и консолидации общества. Чтобы это в конце концов произошло, государство должно защищать граждан (друг от друга), а не натравливать одних на других.

* * *

«Алексей. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше!» [Булгаков, 1926, с. 18]. Фраза полковника Алексея Турбина из второй картины первого действия спектакля точно обнажает главную проблему очевидцев и участников Гражданской войны – фатальное отсутствие у них, пожалуй, главного властного ресурса – темпорального: время и возможность планировать свое будущее были им не подвластны. Великие исторические события, по моему убеждению, можно планировать, но нельзя осуществить. Задуманное действие никогда не реализуется в первоначальном виде даже в малых замыслах и в самых скромных мечтах, а уж в больших, в которых задействованы миллионы людей – и подавно. Причудливые социальные конфигурации, как именовал Норберт Элиас связи и взаимозависимости между людьми, чаще всего не знающих о существовании друг друга [Элиас, 2001, т. 1, с. 43], приводят к результатам, в которых многие задействованы, но которые никто из действовавших лиц не планировал. Как могут строить будущее офицеры, сидящие за гостеприимным столом в доме Турбиных, как могут осознанно и целенаправленно влиять они на события в Киеве, в котором с 1917 по 1920 г. четырнадцать раз происходила смена власти – чаще, чем в любом другом губернском городе Российской империи за эти годы? Ответ, кажется, очевиден. И он относится не только к интеллигенции, провозглашающей себя заступницей за народ, но и ко всем другим участникам Гражданской войны.

В условиях распада государственных структур и роста недоверия к ним населения властные ресурсы, которыми располагали политические игроки, сжимались, подобно шагреновой коже. Большевикам в борьбе за власть повезло больше других, потому что на какое-то время они в 1917–1918 гг. позволили «маленькому человеку» в обличье горожан и крестьян, солдат и рабочих, русских и нерусских, мужчин

и женщин воспользоваться лежащей на земле властью и попробовать «все поделить». А уж потом постепенно прибрать к рукам всех этих комитетских, советских, профсоюзных, бедняцких, национальных, женсоветовских и пролеткультовских деятелей.

* * *

«Николка. В Берлин... В такой момент... (*Смотря в окно.*) С извозчиком торгуется. (*Философски.*) Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

Алексей (*машинально*). Совершенно верно, Никол. А дом наш — на корабль» [Булгаков, 1926, с. 13].

Реакция братьев Турбиных на бегство из Киева их зятя, полковника генштаба Владимира Тальберга, была однозначна. Муж сестры напоминал им крысу, а собственный дом — тонущий корабль. Одна из самых чувствительных бед, которым подвергается обычный человек на гражданской войне — это распад структур повседневности. Хотя повседневность представляет собой хрупкую «конструкцию на границе хаоса» [Berger, Luckmann, 1998, S. 111], человек воспринимает и переживает ее благодаря ряду регулирующих механизмов и структур как упорядоченную, длительную и устойчивую. Главную роль в поддержании стабильности воспринимаемой индивидом «субъективной реальности» играет его регулярная коммуникация с окружающими в устойчивой социальной среде. К ее важнейшим опорам принадлежат «референтные группы», с которыми индивидум повседневно общается, на которых ориентируется в своих действиях, которые являются для его моральными авторитетами и с помощью которых он может «освежить» личные или групповые воспоминания. Скорость коллективного забывания в годы Гражданской войны — один из показателей глубины распада привычной социальной среды. Наверное, адекватность тезиса о крушении сетей «значимых других» относительна, и семья оставалась якорем для многих. Но Гражданская война была братоубийственной не только в переносном смысле, это хорошо известно. Вряд ли это вело к абсолютной атомизации общества, но фигуры становились спонтанными, краткосрочными, переменчивыми. Сиюминутной важной фигурой могли стать не близкие родственники и друзья, а те, кто соглашался покараулить чемодан на вокзале (и честно исполнял обещание), помогал затащить пудовый мешок крупы на крышу теплушки, защитил от случайного хулигана, спас от облавы на черном рынке.

* * *

«Лариосик. Боже мой, как ужасна гражданская война!» [Булгаков, 1926, с. 39]. Эту фразу кузена хозяйки дома Турбиных правомерно распространить на тот факт, что в гражданской войне исчезают какие-либо гарантии безопасности. В том числе и ритуалы перестают быть фактором стабильности. Скорее они символизируют и симулируют некую стабильность, но вряд ли стимулируют. О важности ритуалов свидетельствует частота праздников на красных и белых территориях и их популярность среди местного населения при любой власти. Красные славили активное участие населения в праздниках как проявление зрелого «революционного сознания»,

белые объясняли его «рождением нового гражданина». Однако эти интерпретации отражали лишь ожидания или наивные предрассудки политических актеров о настроениях населения, которое на самом деле имело собственные причины для активного участия в праздничных церемониях. Будни революционной поры были пронизаны страданием и хаосом, от которых хотелось отвлечься. Жизнь казалась утратившей смысл. В отличие от повседневных забот праздники воплощали отсутствующий порядок и восстанавливали целесообразность. Они демонстрировали представление новых властей о прошлом, настоящем и будущем, делали наглядным язык новых правителей, которым стоило овладеть, чтобы выжить в условиях неопределенности.

Соблюдение старых ритуалов – например, семейных или религиозных традиций – тоже могло создавать иллюзию стабильности, но нужно было ясно знать, можно ли их исполнять открыто или более целесообразной была скрытность от посторонних глаз, чтобы не попасть в беду. Публично идеализировать прошлое в любом случае было опасно. Каждая власть интерпретировала свою деятельность как поворот к лучшему, и за оброненную в очереди фразу о том, что прежний порядок был лучше, могли арестовать и при красных, и при белых.

* * *

«Лариосик. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Николка. Интересно, как большевики выглядят?

Мышлаевский. Увидишь, увидишь.

Лариосик. Капитан, ваше мнение?

Студзинский. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!» [Булгаков, 1926, с. 48].

Разговор компании в доме Турбиных в последнем действии пьесы показывает неопределенность социальных границ в ситуации гражданской войны. «Недорезанные буржуи» радуются скорому приходу большевиков, которые у 18-летнего Николая Турбина вызывают любопытство, а у его старшего товарища по социальной среде, белогвардейского капитана Александра Студзинского – замешательство. Я давно отстаиваю тезис о том, что политические взгляды и социальные статусы объясняют в поведении свидетелей и участников Гражданской войны в России гораздо меньше, чем принято считать. Причиной тому являются беспрецедентные и недооцененные историками масштабы разорения, в которую ввергли страну события 1917–1922 гг. Размеры катастрофы, постигшей в то время население страны, особенно в эпицентрах боевых действий Гражданской войны (Украина, Урал), превосходят силу воображения современного человека. Эта проблема является одной из центральных при изучении повседневной истории России/СССР всего межвоенного периода, а в особенности – Гражданской войны: «Вопрос заключается в том, как в этих условиях относительной неструктурированности государства,

хозяйства, социальных отношений и связей, а также утраты общепринятой системы ценностей можно было бы рассматривать человеческое поведение и действие как структурированное» [Plaggenborg, 2000, S. 113]. В результате исследователи усматривают наличие осознанных и многообразных социальных интересов и используют социологический инструментарий, эффективный при изучении периодов относительно спокойного развития, там, где в силу стремительного социального распада главным героем событий становилась толпа, а ведущим мотивом — желание физически выжить. Бесчисленные источники позволяют утверждать, что в условиях чудовищной цивилизационной катастрофы, какой стала Гражданская война, многие специфические групповые модели поведения все в большей мере вытеснились простейшими, индивидуально, реже — коллективно разыгрываемыми импровизациями на тему физического выживания. Это не означает капитуляцию исследователя перед возможностью использовать инструментарий социальной истории для изучения Гражданской войны в России. Возможно выделять ситуативные цепочки взаимозависимых индивидов и их действий — фигурации, но нужно отдавать себе отчет, что их выделение представляет собой процедуру конструирования «виртуальных» социальных классов — того, что Пьер Бурдьё называл «теоретическими классами, фиктивными группировками, которые существуют только на бумаге, в силу принятого исследователем интеллектуального решения» [Bourdieu, 1998, S. 32].

* * *

«Шратт. Когда бывает катастрофа, каждый стаёт проворный очень» [Булгаков, 1926, с. 28]. Фраза немецкого генерала фон Шратта, собирающего вместе с генштабом бежать из Киева, вырастает до масштабов девиза приспособления к условиям гражданской войны. Однако является ли «проворность» посреди острого социального конфликта той активностью, которая является целенаправленным волеизъявлением и силой, влияющей на исторические процессы. И да, и нет. Конечно, как я выше указывал, политические ресурсы всех «игроков» на поле гражданской войны сокращаются. Этим, кстати, объясняется размах насилия и жестокости, которые следует интерпретировать как проявление слабости, а не силы политических режимов. Планировать действия и влиять согласно плану на большую историю во время гражданской войны затруднительно. Правда и то, что рядовые участники событий предпочитали оставаться незамеченными или разочарованно отворачивались от каждой из сменявших друг друга властей. Однако это не означает пассивности, реактивности поведения населения и не лишает их субъектности действующих лиц. То, что принято рассматривать как сугубо антропологическое, правомерно интерпретировать как политическое. Слухи, насилие, неумеренное употребление алкоголя, манипуляции с продуктовыми карточками и прочие неприглядные поступки (типа прикармливания Шервинским гетманского массивного золотого портсигара в «Днях Турбиных» или готовность человека с корзиной в той же пьесе участвовать в незаконном дележе чужого имущества) не были аполитичными реакциями на происходящее. За ними стояли самостоятельные позиции по отношению к прошлому, настоящему и будущему, и эти позиции были формами политическими активности в условиях цивилизационной катастрофы, в которой

другого политического пространства, кроме улицы, и иного социального объединения, кроме толпы, зачастую не оставалось. Маленький человек влиял на большую историю числом своих малых и чаще всего неблагоприятных дел. Как писал в 1922 г., по горячим следам, П.А. Сорокин, только что переживший русскую революцию, «и в войне, и в революции есть обратная сторона: сторона жертвенности и “полагания души за други своя”, подвижничество и героизм, но... эти явления – достояние единиц, а не масс. Они редки, исключительны, тонут в море противоположных явлений, и потому их роль ничтожна по сравнению с “биологизирующей” и “криминализирующей” работой войны и революции» [Сорокин, 1990, с. 407]. Массовая эгоистическая «проворность» участников Гражданской войны в конце концов обеспечивала работу инерции, которую Фернан Бродель называл «одной из великих работниц истории» [Бродель, 1986, с. 585].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в трех томах. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
- Булгаков М.А.* Дни Турбиных. «Public Domain», 1926 (Библиотека драматургии Агентства ФТМ). 52 с.
- Солоневич И.Л.* Загадка и разгадка России. М.: ФонДИВ, 2008. 671 с.
- Сорокин П.А.* Нравственное и умственное состояние современной России // *Литература русского зарубежья: Антология в шести томах.* Т. 1. Кн. 1. М.: Книга, 1990. С. 406–417.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 330 с.
- Berger P., Luckmann T.* Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 218 S.
- Bourdieu P.* Praktische Vernunft. Zur Theorie des Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 225 S.
- Plaggenborg S.* Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2000. № 48. H. 1. S. 109–118.

REFERENCES

- Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilisation, economics and capitalism, 15th–18th centuries]: in 3 volumes. Vol. 1: Struktur povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Progress, 1986. 622 p. (in Russian).

Bulgakov M.A. *Dni Turbinykh* [The Days of the Turbins]. "Public Domain", 1926 (Biblioteka dramaturgii Agentstva FTM). 52 p. (in Russian).

Solonevich I.L. *Zagadka i razgadka Rossii* [The mystery and solution of Russia]. Moscow: FondIV, 2008. 671 p. (in Russian).

Sorokin P.A. *Nravstvennoe i umstvennoe sostoyanie sovremennoi Rossii* [The moral and intellectual state of modern Russia], in *Literatura russkogo zarubezh'ya*: in 6 volumes. Vol. 1. B. 1. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 406–417 (in Russian).

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 346 p. (in Russian).

Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [On the process of civilisation. Sociogenetic and psychogenetic research]: in 2 volumes. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. Vol. 1. 330 p. (in Russian).

Berger P., Luckmann T. *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 218 S.

Bourdieu P. *Praktische Vernunft. Zur Theorie des Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 225 S.

Plaggenborg S. Grundprobleme der Kulturgeschichte der sowjetischen Zwischenkriegszeit, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. No. 48. H. 1. S. 109–118.

Статья принята к публикации 11.02.2026

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-186-195

УДК 94 (47+57)«1917/1922»+94:159.953+316.346.36:159.953

ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПАМЯТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Поршнева Ольга Сергеевна

Уральский федеральный университет имени первого
президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации проблем памяти, идентичности и социокультурных практик эпохи Гражданской войны в научном, художественном и политическом дискурсах. На основе подходов *memory studies*, исторической антропологии и синергетики автор рассматривает ряд взаимосвязанных вопросов, порождаемых размышлениями над романом М.А. Булгакова «Белая гвардия». Дана оценка перспектив формирования непротиворечивого образа Гражданской войны и его использования в политике памяти и политике идентичности современной России. В фокусе внимания статьи вопрос о роли интеллигенции в условиях Гражданской войны, который рассмотрен в контексте анализа ее социально-политических практик и в более широком плане осмысления роли интеллигенции в эпохальные, переломные периоды истории. На основе интерпретации позиций и действий героев пьесы М.А. Булгакова показана роль психологических механизмов в выборе стратегий поведения и самоопределения личности в условиях Гражданской войны, роли частного, ритуального и символического мира индивида и группы в поддержании идентичности и обеспечении социокультурной преемственности. Показано, как синтез подходов исторической антропологии и синергетики позволяет оценить роль «выдающихся» и рядовых участников исторических процессов в переломные эпохи, какой была Гражданская война в России.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, память, идентичность, интеллигенция, М.А. Булгаков, Белая гвардия.

Цитирование: Поршнева О.С. Идентичность, память и социокультурные практики интеллигенции в условиях Гражданской войны // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 186–195. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-186-195 / Porshneva O.S. Identity, Memory, and Sociocultural Practices of the Intelligentsia during the Civil War, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 186–195. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-186-195.

© Поршнева О.С., 2026

IDENTITY, MEMORY, AND SOCIOCULTURAL PRACTICES OF THE INTELLIGENTSIA DURING THE CIVIL WAR

Porshneva Olga S.

Ural Federal University named after
the first President of Russia, B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract. This article analyzes the representation of issues of memory, identity, and sociocultural practices during the Civil War in scholarly, artistic, and political discourse. Drawing on approaches from memory studies, historical anthropology, and synergetics, the author examines a number of interrelated questions arising from reflections on Mikhail Bulgakov's novel "The White Guard". The author also assesses the prospects for developing a coherent image of the Civil War and its use in the politics of memory and identity in contemporary Russia. The article focuses on the role of the intelligentsia during the Civil War, examining it within the context of an analysis of its sociopolitical practices and, more broadly, the role of the intelligentsia during epochal, pivotal periods in history. Based on an interpretation of the characters' positions and actions in M.A. Bulgakov's novel, the role of psychological mechanisms in the selection of behavioral strategies and personal self-determination during the Civil War is demonstrated, as well as the role of the private, ritual, and symbolic worlds of the individual and group in maintaining identity and ensuring sociocultural continuity.

It is demonstrated how a synthesis of approaches from historical anthropology and synergetics allows us to assess the role of "outstanding" and ordinary participants in historical processes during crucial periods such as the Russian Civil War.

Keywords: Civil War, Russia, memory, identity, intelligentsia, M.A. Bulgakov, White Guard.

Принятие в марте 2023 г. в Госдуме Меморандума об окончании Гражданской войны 1917–1922 гг. [В Госдуме заключили ..., 2023] видится нам знаковым с точки зрения характеристики общественно-политической ситуации и политического дискурса современной России. Решение задачи символического примирения Белых и Красных, создания непротиворечивой памяти о Гражданской войне рассматривается политической элитой страны как важный шаг, способствующий формированию общенациональной идентичности. Осмысление взаимосвязи исторической памяти и идентичности находит отражение во властном дискурсе в разных его репрезентациях, присутствует в качестве важной темы в выступлениях Президента РФ В.В. Путина. Президент провозглашает идеи тысячелетней истории России, преемственности этапов в развитии страны, констатирует важность формирования представлений об общем для россиян прошлом, единых духовно-нравственных ценностях [Путин, 2012; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г.]. В исторических и политологических исследованиях эта тематика также занимает значимое место, воплощаясь в историографии, изучении исторической памяти, разработке проблем политики памяти и политики идентичности [Баранов, 2022; Голдин, 2022; Малинова, 2014; Русакова, 2023].

В контексте осмысления взаимосвязи коллективной памяти и идентичности возникает закономерный вопрос: можно ли рассматривать Меморандум примирения как маркер состояния общественного сознания, трансформации исторической памяти россиян о Гражданской войне? И да, и нет. С одной стороны, сам факт его инициирования и принятия свидетельствует об общественном запросе такого рода, разделяемом ведущими политическими силами. С другой стороны, он не означает складывания условий для превращения образа Гражданской войны в одну из основ общероссийской идентичности. Представления об историческом событии, способные выполнять такую роль, должны не только присутствовать в массовом сознании, но и создавать возможность для конструирования на их основе положительного образа социума, не вызывающего противоположных оценок [Малинова, 2014]. Как показывают социологические опросы населения и другие материалы, образы Гражданской войны, бытующие в общественном сознании россиян, не соответствуют этим условиям [Баранов, 2022]. Они не только гетерогенны, дискретны, но и конфликтны в силу действия ряда специфических исторических и социокультурных факторов.

Смена вектора развития страны после распада СССР обусловила общественный запрос на переосмысление дореволюционной истории, поиски генетической связи с ней, «реабилитацию» ее традиций, ценностей и норм. Эти тенденции нашли воплощение в политике памяти, в том числе новых интерпретациях истории Революции и Гражданской войны, подчас демонстрируя замещение большевистской мифологии «белым мифом». Историография, развивающаяся под воздействием актуальных общественно-политических запросов, пережила в постсоветский период смену исследовательских приоритетов, проблематики трудов, их оценок, выйдя в 2010–2020-е гг. на новый уровень в научном осмыслении истории Гражданской войны, сохранив при этом разнообразие мнений по многим вопросам [Голдин, 2022].

Несмотря на смену идеологической парадигмы, исторические представления советского периода в трансформированном виде и сегодня оказывают влияние на общественное сознание. Это объясняется не только их длительным господством в общественно-политическом, художественном и научном дискурсах, но и обусловленностью памяти социокультурными основами и исторической культурой обществ [Репина, 2011, с. 473–474]. Унаследованные от советской эпохи традиции памяти о Гражданской войне и мемориальные практики, посвященные красным героям, воплощают значимые для русской культуры и ментальности идеалы социальной справедливости, что обуславливает их сохранение и поддержание. Они закреплены в «символическом репертуаре» коммемораций, музейных экспозициях, «местах памяти», пространстве повседневности современной России. И сегодня в России существуют значительные слои населения и политические силы, трактующие историю Гражданской войны как справедливую борьбу за социальные идеалы, увенчавшуюся закономерной победой Красных. Симптоматично то, что за период 2005–2018 гг., согласно данным массовых опросов, вырос удельный вес тех, кто считает, что их родственники поддерживали красных, и сократился – тех, чьи предки воевали, по их мнению, на стороне белых, то есть «красный» миф, как точно подметил А. Баранов, оказался сильнее «белого» [Баранов, 2022]. Попытки представить в публичном пространстве радикально иную историю Революции и Гражданской войны часто находят резкий отпор в среде людей левых взглядов. Яркий пример этому – реакция лидера КПРФ Г.А. Зюганова на выход на телеэкраны страны сериала А. Кончаловского «Хроники русской революции», выступление по этому поводу с критикой и осуждением в Государственной думе [Лидер КПРФ..., 2025].

Очевидно, что без широкого диалога различных общественно-политических сил при ведущей роли профессиональных историков, с участием деятелей искусства, журналистов и других влиятельных акторов памяти, невозможно не только сблизить во многом противоположные интерпретации, но и избежать серьезных идеологических конфликтов в дальнейшем. Как предлагает О.Ю. Малинова, и с этим можно согласиться, содержанием этого диалога должен быть не только поиск пунктов согласия между разными подходами, но и обсуждение моральных критериев, на основании которых оцениваются события и действующие лица [Малинова, 2014].

* * *

Если говорить об опыте самой Гражданской войны, то в его контексте заслуживает особого внимания вопрос о роли интеллигенции в развитии событий. Для ее оценки важно понимание Гражданской войны как вооруженного конфликта, в котором организованные группы внутри одного государства борются за осуществление своей политической и идеологической программы, «своей правды» [Цветков, 2018, с. 5]. Эти программы во всех партиях вырабатывались интеллигенцией. И если в правых и либеральных – интеллектуалами из рядов правящего слоя или научной, инженерно-технической, педагогической, творческой элит, то в левых, боровшихся с режимом, доминировала интеллигенция в российском смысле этого понятия. Черты этого слоя, отличавшие русскую интеллигенцию

от западных интеллектуалов, были подмечены еще Н.А. Бердяевым: нетерпимость, бескомпромиссность, радикализм, идеологизированность, увлеченность социальными идеалами — и одновременно беспочвенность, отрыв от реального народа, от имени которого она выступала [Бердяев, 1990, с. 17–18]. Интеллигенция во всех своих партийных ипостасях, несомненно, несет ответственность за радикализацию противостояния в условиях Революции и Гражданской войны. Не без участия политизированной части интеллигенции Гражданская война приобрела столь масштабный и кровопролитный характер, так как именно интеллигенция являлась лидером и идеологом политических партий и общественных движений [Соколова, 2018]. Однако вплоть до лета-осени 1918 г. значительная часть интеллигенции выступала за социально-политический диалог в демократическом формате, поддерживала идеи и практики компромисса, стремилась купировать конфликты [Разиньков, Морозова, 2021]. Широкие слои интеллигенции, научная элита демонстрировали желание «заниматься избранной профессией при любом режиме» [Разиньков, Морозова, 2021, с. 76]. В условиях экстремальной повседневности, голода, репрессий интеллигенция, не сотрудничавшая активно с правившими режимами, элементарно выживала, практикуя различные способы адаптации к меняющейся ситуации. Далеко не всем удалось тогда сохранить возможность заниматься профессиональным трудом и просто физически выжить в условиях голода и лишений.

Если размышлять о понятии «совесть нации», то оно, на наш взгляд, может быть применимо только к отдельным личностям, обладающим определенным набором моральных, интеллектуальных и поведенческих характеристик, но не к целой социальной группе. Интеллигенция несет свою, немалую, долю ответственности за происходившие в условиях Гражданской войны процессы, как и в другие переломные эпохи XX в., когда решался вопрос о смене вектора развития страны. При этом роль разных групп интеллигенции в переломные периоды истории всегда различна, как и ее отдельных представителей, поэтому изучать и осмысливать ее необходимо конкретно-исторически.

* * *

Ценный материал для проникновения в психологический мир интеллигенции эпохи Гражданской войны дает художественная литература, ее выдающиеся произведения, к которым относится роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» [Булгаков, 2011]. Булгаков на основе личного, глубоко пережитого опыта тонко передал психологические механизмы поведения своих героев в условиях экстремальной повседневности. Он показал, что в ситуации, когда внешний мир неустойчив, полон насилия, стремление к стабильности и душевному покою выражается в поддержании гармонии частного мира — дома, домашнего очага как своеобразного микрокосма существования. Типичность такой ситуации определяется самой сущностью дома как универсальной модели бытия, пространства, в котором протекает не только материальная, но и духовная жизнь человека. Это место самоопределения индивида, воплощающее совокупность всех его взглядов, идеалов, ценностей, традиций, сопровождающих его земное существование. Каждая деталь дома Турбиных как дома-приюта, дома-гавани имеет значение, выступает во вневременной,

метафизической ипостаси [Булгаков, 2011, с. 99–312; Пояркова, 2003–2004, с. 4]. При этом пространство дома Турбиных культурно насыщено, воплощая уникальный мир интеллигентского сознания и бытия с его символами, метафорами, цитатами, вещными знаками событий и смыслов. Дом в «Белой гвардии» как бы защищает Турбиных от хаоса внешнего мира, позволяет на время забыть о нем, обрести душевный покой. Безусловно, частная жизнь и прочный семейный очаг способны смягчать психологические последствия социальных катастроф, но до определенных пределов, так как «дом» не дает полной защиты от внешних обстоятельств, что показано и Булгаковым. Разрушение в условиях Гражданской войны дома Турбиных как «тихой гавани» символизирует общий вектор трансформации повседневной жизни и быта в постреволюционную эпоху. Дом как частное пространство, не вполне подвластное внешнему контролю, станет в дальнейшем объектом государственного вмешательства, большевистской критики, обличения и переструктурирования.

* * *

Ритуальная верность героев пьесы нормам и символам старого мира воплощает не только ностальгию по утраченному порядку, но и психологическое стремление защититься от разрушительных процессов революционного времени. В более широком смысле сохранение и поддержание традиций, ритуалов, бытовых практик является способом воспроизводства идентичности, механизмом обеспечения социокультурной преемственности, трансмиссии памяти между поколениями. Данный механизм работает как в стабильные, так и в кризисные, переломные периоды истории, но становится особенно значимым на крутых ее поворотах. И если публичная сфера в наибольшей степени оказалась в постреволюционный период подвержена властному контролю, то бытовая, частная, при всех попытках ее переустройства, оставалась относительно автономной. В пространстве частного мира бытовые ритуалы, традиции, семейная память обеспечивали преемственность старого и нового. Популярность пьесы М.А. Булгакова, ее многократные постановки в 1920–1930-е гг. свидетельствовали об общественной потребности осмысления и переживания не только героического, но и травматического, трагического опыта Гражданской войны, подтверждали сохраняющуюся значимость дореволюционного опыта и ряда его традиций для советского общества.

* * *

В пьесе М.А. Булгакова происходит стремительная смена статуса политических деятелей, крутые перемены в частной жизни героев. Это сопровождается переопределением врагов и союзников в публичном и частном пространстве, что видится типичным в ситуации быстрой смены режимов и социального хаоса. Ситуативная общность интересов или, наоборот, представления об угрозе, исходящей от чужого или вчерашнего «своего», делают границы своего и чужого наиболее подвижными. Накануне и в условиях войн образы врагов и союзников интенсивно формируются в индивидуальном, групповом и массовом сознании, являются основой самоидентификации, определяют социальное поведение. Если во время войн с внешним противником они достаточно устойчивы (при условии, что война внешняя не

перерастает в войну внутреннюю, как было в ситуации Первой мировой войны в России), то в периоды гражданских войн более подвижны — в связи с интенсивной социально-психологической и социально-политической динамикой вооруженного противостояния, в которое непосредственно вовлечено гражданское население. В целом опыт Гражданской войны показывает, что внутренние, гражданские конфликты, раскол в среде политической и интеллектуальной элиты наиболее губительны для страны, создают угрозу государственности в большей степени, чем внешние войны, которые могут способствовать единению власти и общества.

* * *

Перипетии судеб героев «Белой Гвардии» актуализируют размышления над одним из фундаментальных вопросов философии и теории истории о роли личности в переломные моменты в развитии обществ. Плодотворным для анализа проблемы представляется синтез антропологического и синергетического подходов. Роль случайности и сознательного выбора человека возрастает в моменты «развилок», возникновения альтернатив в историческом развитии. При этом свобода выбора в этих ситуациях бывает неотделима от выбора нравственного. Выбор альтернатив развития связан с ролью тех конкретных людей, которые оказались волею судеб в гуще событий в «минуты роковые». Уникальность этих событий определяется во многом тем, что исполнитель у каждой роли один — другой исполнитель, возможно, привел бы очередное действие «исторической пьесы» совсем к другому финалу [Бородкин, 2002]. В более широком плане, применительно к «спокойным», а не только переломным, эпохам, не только историческая антропология, история повседневности, но и другие методологические подходы (например, теория структуры Э. Гидденса) ориентируют на учет и анализ позиции «маленького человека», который своей повседневной практикой, действиями или бездействием, поддерживает или разрушает существующий порядок, институты и структуры, определяя изменчивость и преемственность в истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // *Перспективы. Электронный журнал*. 22.06.2022. URL: https://www.perspektivy.info/history/pamat_o_grazhdanskoj_vojne_v_kollektivnyh_predstavlenijah_rossijskogo_obshestva_2022-06-22.htm (дата обращения — 29 января 2026 г.).

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. М.: Наука, 1990. 224 с.

Бородкин Л.И. Историческая синергетика: антропологический аспект // *ЕЖЕГОДНИК историко-антропологических исследований*. 2001/2002. М.: Экон-информ, 2002. С. 22–30.

Булгаков М.А. Белая гвардия // *Булгаков М.А. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе*. М.: Альфа-Книга, 2011. С. 99–312.

В Госдуме заключили меморандум о завершении Гражданской войны 1917–1922 годов // *Газета ру*. 13.03.2023. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/03/15/19975297.shtml?utm_auth=false (дата обращения – 15 декабря 2025 г.).

Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // *Российская история*. 2022. № 3. С. 109–121.

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов назвал «гадостью» сериал Андрея Кончаловского «Хроники русской революции» // *Новости*. 29.10.2025. URL: <https://rtvi.com/news/zyuganov-nazval-gadostyu-serial-konchalovskogo-o-lenine-i-revoljuczii/> (дата обращения – 16 декабря 2025 г.).

Малинова О. Увековечение памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // *Россия в глобальной политике*. 17.07.2014. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/uvekovechivanie-pamyati-o-zabytoj-vojne-i-dilemmy-rossijskoj-politiki-identichnosti/> (дата обращения – 16 декабря 2025 г.).

Пояркова Н.С. Символика образа дома в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // *Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика*. 2003–2004. № 7–8. С. 40–48.

Путин В.В. Ответы на вопросы членов Совета Федерации 27 июня 2012 года // Портал «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15781/work> (дата обращения – 16 декабря 2025 г.).

Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. 712 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // *Дикурс-Пи*. 2023. Т. 20. № 2. С. 32–51.

Соколова Ф.Х. Расколота интеллигенция Европейского Севера России в 1918–1920 годы // *Historia Provinciae. Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. № 4. С. 51–81.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *Гарант*. Ру. 10. 11.2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения – 17 декабря 2025 г.).

Цветков В.Ж. Гражданская война в России – определение, причины, периодизация // *Tractus Aevorum*. 5 (1). Весна 2018. С. 3–7.

REFERENCES

- Baranov A. Pamyat' o Grazhdanskoj vojne v kollektivnyh predstavleniyah rossijskogo obshchestva [The Memory of the Civil War in the Collective Representations of Russian Society], in *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. 22.06.2022. Available at: https://www.perspektivy.info/history/pamat_o_grazhdanskoj_vojne_v_kollektivnyh_predstavlenijah_rossijskogo_obshhestva_2022-06-22.htm (accessed 29 January 2026).
- Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMCA-PRESS, 1955. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (in Russian).
- Borodkin L.I. Istoricheskaya sinergetika: antropologicheskij aspekt [Historical Synergetics: The Anthropological Aspect], in *EZHEGODNIK istoriko-antropologicheskikh issledovanij*. 2001/2002. Moscow: Ekon-inform, 2002. Pp. 22–30 (in Russian).
- Bulgakov M.A. Belaya gvardiya [The White Guard], in Bulgakov M.A. *Polnoe sobranie romanov, povestej i rasskazov v odnom tome*. Moscow: Al'fa-Kniga, 2011. Pp. 99–312 (in Russian).
- Goldin V.I. Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy sovremennoj istoriografii [Modern Historiography of the Russian Civil War], in *Rossiyskaya istoriya*. 2022. No. 3. Pp. 109–121 (in Russian).
- V Gosdume zaklyuchili memorandum o zavershenii Grazhdanskoj vojny 1917–1922 godov [The State Duma signed a Memorandum on the end of the 1917–1922 Civil War], in *Gazeta. Ru*. 15.03.2023. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/03/15/19975297.shtml?utm_auth=false (accessed 15 December 2025).
- Lider KPRF Gennadij Zyuganov nazval "gadost'yu" serial Andrey Konchalovskogo «Hroniki russoj revolyucii» [Communist Party leader Gennady Zyuganov called Andrei Konchalovsky's TV series "Chronicles of the Russian Revolution" "nastiness"], in *Novosti*. 29.10.2025. Available at: <https://rtvi.com/news/zyuganov-nazval-gadostyu-serial-konchalovskogo-o-lenine-i-revoljuczii/> (accessed 16 December 2025).
- Malinova O. Uvekovechenie pamyati o "zabytoj vojne" i dilemmy rossijskoj politiki identichnosti [Commemorating the "Forgotten War" and the Dilemmas of Russian Identity Politics], in *Rossiya v global'noj politike*. 17.07.2014. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/uvekovechivanie-pamyati-o-zabytoj-vojne-i-dilemmy-rossijskoj-politiki-identichnosti/> (accessed 16 December 2025).
- Poyarkova N.S. Simvolika obraza doma v romane M.A. Bulgakova "Belaya gvardiya" [The symbolism of the house in Mikhail Bulgakov's novel "The White Guard"], in *Vestnik RUDN, ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2003–2004. № 7–8. Pp. 40–48 (in Russian).
- Putin V.V. Otvetny na voprosy chlenov Soveta Federacii 27 iyunya 2012 goda [Answers to questions from members of the Federation Council on June 27, 2012], in *Portal "Prezident Rossii"*. 27.06.2012. Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15781/work> (accessed 16 December 2025).
- Razin'kov M.E., Morozova O.M. *Social'no-politicheskij dialog v Rossii (1917–1918 gg.): tendencii, mekhanizm, regional'nye osobennosti* [Social and Political Dialogue in Russia

(1917–1918): Trends, Mechanism, and Regional Features]. Moscow: Kvadriga, 2021. 712 p. (in Russian).

Repina L.P. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaja praktika* [Historical Science at the turn of the XX–XXI centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow: Krug, 2011. 560 p. (in Russian)

Rusakova O.F. Diskurs gosudarstvennoi politiki pamiati kak faktor formirovaniia natsional'noi identichnosti sovremennoi Rossii [The Discourse of the State Policy of Memory as a factor in the formation of the National identity of Modern Russia], in *Discourse-P*. 2023. Vol. 20. No 2. Pp. 32–51 (in Russian).

Sokolova F.H. Raskolotaya intelligenciya Evropejskogo Severa Rossii v 1918–1920 gody [The Divided Intelligentsia of the European North of Russia in 1918–1920], in *Historia Provinciae. Zhurnal regional'noj istorii*. 2018. Vol. 2. No. 4. Pp. 51–81 (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu traditsionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej” [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”], in *Garant. Ru*. 10.11.2022. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (accessed 17 December 2025).

Cvetkov V.Zh. Grazhdanskaya vojna v Rossii – opredelenie, prichiny, periodizaciya [The Russian Civil War: Definition, Causes, and Periodization], in *Tractus Aevorum*. No. 5 (1). Vesna 2018. Pp. 3–7 (in Russian).

Статья принята к публикации 11.02.2026

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-196-202

УДК 94

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: УРОКИ ИСТОРИИ, ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ И «ВЕЧНЫЕ» ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ БУЛГАКОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Гагкуев Руслан Григорьевич

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

gagkuev@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена осмыслению феномена Гражданской войны в России как национальной травмы и фактора, влияющего на формирование исторической памяти и идентичности. В центре внимания – пьеса М.А. Булгакова «Дни Турбиных», рассматриваемая не только как художественное свидетельство эпохи, но и как источник для понимания социально-психологических механизмов выживания человека в условиях социальной катастрофы. Автор анализирует роль интеллигенции в предреволюционных событиях и ее ответственность за судьбу страны, противопоставляя идеологизированному расколу на «красных» и «белых» гуманистическую позицию «молитвы за тех и за других». Особое внимание уделяется образу дома Турбиных как «очага стабильности», буфера между личностью и хаосом, а также феномену «ритуализированной лояльности» как способу сохранения культурной преемственности. В статье поднимается проблема современного восприятия событий Гражданской войны и обосновывается необходимость деидеологизированной мемориализации трагедии для достижения общественного согласия.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, национальная идентичность, М.А. Булгаков, «Дни Турбиных», интеллигенция, раскол общества, «красные» и «белые», историческая травма, мемориализация, Россия, Российская революция 1917 года.

Цитирование: Гагкуев Р.Г. Гражданская война в России: уроки истории, память поколений и «вечные» вопросы интеллигенции в контексте булгаковской драматургии // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 196–202.
DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-196-202 / Gagkuev R.G. The Russian Civil War: Lessons from History, Generational Memory, and the “Eternal” Questions of the Intelligentsia in the Context of Bulgakov’s Drama, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2026. No. 1. Pp. 196–202.
DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-196-202.

© Гагкуев Р.Г., 2026

THE RUSSIAN CIVIL WAR: LESSONS FROM HISTORY, GENERATIONAL MEMORY, AND THE “ETERNAL” QUESTIONS OF THE INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT OF BULGAKOV’S DRAMA

Gagkuev Ruslan G.

Institute of Russian History Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
gagkuev@yandex.ru

Abstract. This publication is dedicated to understanding the phenomenon of the Russian Civil War as a national trauma and a factor influencing the formation of historical memory and identity. The focus is on M.A. Bulgakov’s play “The Days of the Turbins”, viewed not only as an artistic testimony of the era but also as a source for comprehending the socio-psychological mechanisms of human survival in the conditions of a social catastrophe. The author analyzes the role of the intelligentsia in the pre-revolutionary events and its responsibility for the country’s fate, contrasting the humanistic position of “praying for both sides” with the ideological split into “Reds” and “Whites”. Special attention is paid to the image of the Turbins’ home as a “hearth of stability”, a buffer between the individual and chaos, as well as the phenomenon of “ritualized loyalty” as a way to preserve cultural continuity. The article raises the issue of the contemporary perception of the Civil War events and substantiates the need for a de-ideologized memorialization of the tragedy to achieve social harmony.

Keywords: Civil War, historical memory, national identity, M.A. Bulgakov, “The Days of the Turbins”, intelligentsia, societal split, “Reds” and “Whites”, historical trauma, memorialization, Russia, Russian Revolution of 1917.

Прежде всего необходимо обозначить весь масштаб трагических событий периода Гражданской войны. Братоубийственный конфликт не возник из ниоткуда: к нему привело стечение обстоятельств, связанных с изменениями как в России, так и в мире. Неспособность политических сил в России договориться между собой, вынужденный и унижительный Брестский мир, восстание Чехословацкого корпуса, начало интервенции стран Антанты и оккупации стран Центрального блока — эти и многие другие факторы стали катализаторами Гражданской войны. История не терпит сослагательного наклонения, но спустя век можно уверенно заявить, что не было одного конкретного события, которое привело Россию к пропасти. Виною тому многочисленные ошибки государственных деятелей и ряд трагических событий, которые невозможно было предугадать.

Традиционное популярное разделение воюющих сторон на «красных» и «белых» в действительности было куда сложнее. В те годы на полях сражений сошлись вооруженные силы, ставшие своего рода выразителями политических идеологий: большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, анархисты и так далее. Их неспособность договориться и нежелание идти на компромиссы в 1917 г. привело к формированию разнополярных сил, ставших друг против друга уже не на политической трибуне, а на поле боя в конце 1917 — начале 1918 г.

Нельзя забывать и о том, что ситуация в стране усугублялась действиями бывших союзников Российской империи по блоку Антанты. Зайдя на землю раздираемой Гражданской войной страны под предлогом помощи антибольшевистским силам, интервенты не постеснялись воспользоваться сложной внутренней обстановкой и реализовать свои хищнические интересы. Помимо того, что страны Антанты использовали ресурсы бывшей Российской империи, они не желали возрождения российского государства, всячески затягивая Гражданскую войну. Показательно признание главнокомандующего силами Антанты в Сибири французского генерала М. Жанена, сделанное в одном из писем 13 сентября 1919 г.: «Большевизм представляет собой мировую угрозу, но та власть, которая придет ему на смену, должна быть для нас безвредной... Совершенно не нужно единой и могущественной России» (цит. по: [Hogehuis-Seliverstoff, 1981, p. 148]).

Не менее разрушительной была для нашей страны и оккупация странами Центрального блока. Воспользовавшись слабостью России и навязав ей тяжелейший Брестский мир, Германия, Австро-Венгрия и Османская империя хищнически захватывали территории бывшей Российской империи и вывозили к себе так необходимые им для продолжения мировой войны материальные ресурсы. Но все это смогло лишь на время отсрочить их поражение, а новое мировое устройство, зафиксированное в системе послевоенных мирных договоров, легло на народы этих стран тяжелым бременем. Победители же в Первой мировой войне предпочитали забыть о вкладе России в победу.

Спустя 100 лет после окончания Гражданской войны особое значение приобретает ее переосмысление. К сожалению, до сих пор в части нашего общества существует раскол на «красных» и «белых», не поддающийся логике современности.

Убеждения современных коммунистов сильно далеки от программных речей В.И. Ленина. Как и наоборот. Наши современники, симпатизирующие Белому движению, не всегда правильно соотносят себя с ними и не представляют его программных установок. Давно уже нет тех людей, которые воевали друг против друга на полях той войны. Вот уже более века не существует государства, за которое боролись «белые», тридцать пять лет назад закончила свое существование страна, за создание которой боролись «красные». Но в обществе до сих пор не прекращаются споры о том, кто из них прав, а кто виноват.

Существующий раскол возможно преодолеть только при помощи грамотной мемориализации событий Гражданской войны, сохранения культурной и исторической памяти о ней. Этот путь будет возможен лишь при комплексной работе ученых, политиков, государственных деятелей, писателей, блогеров и так далее. В основе этой работы должны лежать достоверные научные данные, свободные от политико-идеологических пристрастий. Сохраняя память о Гражданской войне, необходимо помнить о трагическом характере тех событий. И эта общая драма не должна стать причиной дальнейшего раскола, а наоборот, консолидировать общество. И в этой связи непонятными выглядят попытки встать на чью-либо сторону. При работе над 12-м томом многотомной «Историей России» [История России, 2024, т. 12, кн. 1; История России, 2024, т. 12, кн. 2], выпускаемой Институтом российской истории РАН, мы с коллегами не раз вспоминали строки из стихотворения поэта Максимилиана Волошина — очевидца тех событий, который молился «за тех и за других».

*А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

(22 ноября 1919 г., Коктебель)

* * *

Понятие «интеллигенция» не является уникальным для мировой истории, но именно русская интеллигенция, появившаяся в середине XIX в., сформировалась как специфическое сообщество людей, объединенное не сословным происхождением, а идеей, что человеческий ум является движущей силой истории. Именно в 1850–1860 гг., вместе с реформами Александра II, в Российской империи появляется образованное сообщество, состоящее из представителей разных сословий. Парадокс заключался в том, что, имея образование, его представители освобождались от налогов, но, в отличие от мещан и дворян, были лишены собственного представительства в местном самоуправлении. Таким образом, образованный класс не допускался к представительной власти. Это обстоятельство создавало в среде интеллигенции недовольство текущим положением дел в стране.

Будучи лишенными возможности влиять на власть через государственные механизмы, интеллигенция пыталась что-то изменить через образованные слои населения и студенчество. Некоторые из них, представители особо радикальных движений, «скатились» до преступных способов «донесения» своей точки зрения

через терроризм и призывы к уничтожению государственной власти – российской монархии.

Стоит также отметить, что многие представители русской интеллигенции были крайне далеки от социальной реальности России и не осознавали, что у нашей страны имеется свой путь развития, отличный от западного, который они идеализировали и считали единственно правильным. В своих воззрениях и действиях они бескомпромиссно противопоставляли себя легитимному политическому порядку и государственному устройству.

Но будет неправильно возлагать всю ответственность за потрясения XX в. на интеллигенцию. События 1917 года и последующая Гражданская война стали итогом долгих и сложных исторических переплетений, трагических событий в нашей и мировой истории, а также многочисленных ошибок государственной власти, которая не смогла вовремя отреагировать на запрос на перемены, имевшийся в российском обществе в начале XX в.

* * *

Если говорить о литературе, то можно вспомнить финал романа-эпопеи «Тихий Дон», где после многочисленных мытарств на полях Гражданской войны главный герой Григорий Мелехов возвращается в родной дом и чувствует, что важнее его дома и земли нет ничего. Также тоска по утраченной Родине прослеживается во многих произведениях авторов-эмигрантов. Владимир Набоков, Иван Бунин, Иван Шмелев, Гайто Газданов и многие другие писатели, вынужденно покинувшие родную страну, поднимали в своем творчестве тему потерянного дома.

В пьесе Булгакова дом Турбиных служил местом, где члены семьи и их друзья могли найти покой и укрыться от всех бед Гражданской войны. Даже не будучи профессиональным литературоведом, рядовой читатель мог заметить многочисленные символы «убежища», при помощи которых герои пытались спастись от стремительно меняющихся событий, разрухи и неопределенности. Это и кремовые шторы, и абжур, рядом с которыми «израненные души жаждут покоя». Все эти предметы словно ставили некий психологический заслон между людьми «старого» мира, защищали их от мира «нового».

В тяжелые времена поиск моральной опоры в близком кругу и привычной обстановке для обычных людей, которые не являются пассионариями, становится обычным механизмом выживания и способом примириться с новой действительностью.

* * *

Несмотря на попытки большевиков после победы в Гражданской войне уничтожить «старый» порядок в корне, этот эксперимент, по историческим меркам, довольно быстро закончился. Советская власть довольно быстро осознала несостоятельность задуманного эксперимента и вскоре отбросила идею мировой социалистической революции и полного уничтожения старых порядков. Уже в 1930-х гг. в политике СССР начался консервативный поворот, а к началу послевоенного периода

многие атрибуты социальной, политической и военной жизни дореволюционной России были постепенно восстановлены. Конечно, не полностью, с поправкой на коммунистическую идеологию.

Сама идея отвергнуть прежние порядки и признать несостоятельным пласт богатой истории и культуры нашей страны не могла не закончиться провалом. Поколения людей, живущих в традиционных условиях, неспособны стереть собственную память.

Герои пьесы М.А. Булгакова являются каноническими представителями «старой России», до последнего верящими в свои идеалы. Но когда на их глазах рушится привычный мир, для героев пьесы, как и для миллионов жителей бывшей Российской империи, выбор той самой «ритуализированной лояльности» становится единственным возможным. В противном случае они рисковали бы потерять все прежние принципы, историю и даже те осколки прошлого, в котором они когда-то жили. Кто-то сумел превратить лояльность из «ритуализированной» в самую настоящую. Возможно, в этом и есть один из главных секретов успеха пьесы в Советском Союзе и в наши дни.

* * *

Во время Гражданской войны люди оказывались по разные стороны фронта по разным причинам. Убежденных сторонников советской власти или ее противников было не так и много. Они составляли с обеих сторон то ядро, без наличия которого братоубийственная война не была бы такой жестокой и бескомпромиссной. Но многие из тех, кто служил в Красной армии, советских органах управления или в рядах различных белых армий и контрреволюционных правительств, оказывались в них волею обстоятельств. Не случайно при строительстве противоборствующих армий обе стороны очень быстро – уже к середине 1918 г. – полностью отказались от создания вооруженных сил на добровольческой основе, начав мобилизовать население на службу.

Союзы, заключаемые в ходе Гражданской войны, выстраивались, как правило, в политической логике и часто вовсе не были «союзами» или носили изначально временный характер, понятный обеим сторонам. Достаточно вспомнить взаимоотношения советской власти со знаменитым анархистом батькой Нестором Махно. Как только он становился не нужен в борьбе с белыми, Красная армия обращалась против него. Или союзные отношения белых и стран Антанты – отношения, прежде всего со стороны союзников, не были искренними. Понимание этого ко многим участникам Белого движения приходило поздно и заканчивалось жестоким разочарованием, выплеснувшимся на страницы многих воспоминаний в эмиграции. Такие примеры можно продолжать очень долго.

* * *

В пьесе М.А. Булгакова среди героев есть как обычные люди, так и исторические личности, чьи решения повлияли на судьбу страны. На примере семьи Турбиных читатель может наблюдать, как решение о бегстве гетмана Украинской державы

П.П. Скоропадского взволновало Турбиных, так как он был последней «заслонкой» от армии С.В. Петлюры и большевиков. Это обстоятельство привело к тому, что один из близких друзей Турбиных – капитан Мышлаевский – отринул прежние идеалы и был готов к мобилизации большевиками. «По крайней мере, буду знать, что я буду служить в русской армии», – говорит он.

Очевидно, что решения, принятые людьми, имеющими власть в тот или иной исторический период, напрямую влияют на ход исторического процесса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1: Военное и политико-дипломатическое противоборство. Отв. ред. В.И. Голдин, В.В. Кондрашин. М.: Наука, 2024. 961 с.

История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. Отв. ред. В.И. Голдин, В.В. Кондрашин. М.: Наука, 2024. 919 с.

Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.

REFERENCES

Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12: Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 1: Voennoye i politiko-diplomaticheskoye protivoborstvo [History of Russia: in 20 volumes. Vol. 12: The Russian Civil War. 1917–1922. Book 1: Military and Political-Diplomatic Struggle]. Eds V.I. Goldin, V.V. Kondrashin. Moscow: Nauka, 2024. 961 p. (in Russian).

Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12: Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 2: Vlast'. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura [History of Russia: in 20 volumes. Vol. 12: The Russian Civil War. 1917–1922. Book 2: Power. Economy. Society. Culture]. Eds V.I. Goldin, V.V. Kondrashin. Moscow: Nauka, 2024. 919 p. (in Russian).

Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.

Статья принята к публикации 25.02.2026